

Нил Фергюсон **Великое
вырождение**

Как разрушаются институты
и гибнут государства

Corpus

Ниал Фергюсон

**Великое вырождение. Как
разрушаются институты
и гибнут государства**

«Corpus (ACT)»

2012

УДК 304
ББК 60.56

Фергюсон Н.

Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / Н. Фергюсон — «Corpus (ACT)», 2012

ISBN 978-5-17-091608-5

Как сделать так, чтобы финансовая система работала на общество, а не против него, была основой стабильности, а не источником проблем? Должно ли государство вмешиваться в работу банков, судов и образовательных учреждений? В чем причина слабеющего финансового и политического влияния Запада в мире? Эти вопросы остро волнуют не только западный мир. По мнению британского историка Ниала Фергюсона, главная проблема – в вырождении гражданских институтов. Только возврат от верховенства законников к верховенству закона, отказ от избыточного регулирования и равнодушие граждан могут изменить ход событий и предотвратить кажущийся неизбежным коллапс.

УДК 304
ББК 60.56

ISBN 978-5-17-091608-5

© Фергюсон Н., 2012
© Corpus (ACT), 2012

Содержание

Введение	6
По ту сторону делевереджа	6
О застое	10
Четыре ящика	11
Об упадке институтов	14
Глава 1	16
О “великой дивергенции”	16
Славные институты	20
Бесславная революция	23
Англичане и их долги	24
Партнерство поколений	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29
Комментарии	

Ниал Фергюсон

Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства

Посвящается Томасу

© Niall Ferguson, 2012

© И. Кригер, перевод, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Издательство CORPUS ®

Введение

По ту сторону делевереджа

Еще летом 1989 года Фрэнсис Фукуяма уверенно предсказывал “безоговорочную победу экономического и политического либерализма”, “триумф Запада” и указывал, что “конечным пунктом идеологической эволюции человечества” станет “повсеместное принятие западной либеральной демократии как высшей формы общественного устройства”^[1]. Как это не похоже на то, что мы видим сейчас! Репутация “экономического либерализма” подмочена, а сторонники “государственного капитализма” в Китае и других странах открыто смеются над западной демократией. Запад стагнирует, и это касается не только экономики. В 2012 году Всемирный банк прогнозирует экономический спад в Европе и рост в США – однако лишь на 2 %. Китай развивается в четыре раза быстрее, а Индия – в три. Согласно расчетам Международного валютного фонда, к 2016 году ВВП Китая превысит американский¹. Те, кто делал инвестиции на Западе в 1989 году, остались в проигрыше (с 2000 года они почти ничего не заработали), зато остальные инвесторы оказались с избытком вознаграждены. Эта “великая реконвергенция” – гораздо более удивительное историческое событие, нежели предугаданный Фукуямой крах коммунизма. В то время центр притяжения мировой экономики приходился на север Атлантики. Сейчас он находится за Уралом, а к 2025 году сместится к северу от Казахстана и окажется примерно на той же параллели, что был в 1500 году, накануне подъема Запада^[2].

Новейшее из объяснений экономического спада на Западе – делевередж, болезненный процесс сокращения доли задолженности (или исправления баланса). Конечно, размер нынешнего долга стран Запада необычаен. Лишь второй раз в американской истории совокупный объем государственного долга и негосударственной задолженности превысил 250 % ВВП. Институт Маккинзи, изучив ситуацию в 50 странах, выделил сорок пять случаев сокращения доли заемных средств (делевереджа) с 1930 года. Лишь в восьми случаях соотношение начального государственного долга и ВВП превысило 250 %. Именно это мы наблюдаем не только в США, но и в ведущих англоязычных странах (кроме Австралии и Канады), ведущих континентальных государствах Европы (Германия – не исключение), в Японии и Южной Корее^[3]. Теперь домохозяйства и банки стремятся избавиться от долгов, которые накопили, неразумно играя на постоянном росте цен на недвижимость. Это аргумент в пользу делевереджа. Но когда люди решили меньше тратить и больше накапливать, совокупный спрос упал. Чтобы этот процесс не вызвал опасное “утяжеление” долга, правительства и центральные банки прибегли к беспрецедентному для мирного времени налогово-бюджетному и денежно-кредитному стимулированию. Дефицит бюджета в государственном секторе помог минимизировать ущерб, однако возник риск трансформации чрезмерной негосударственной задолженности в разрастание государственного долга. Аналогично расширение баланса центральных банков, то есть увеличение денежной базы, предотвратило вал банковских банкротств, однако негативно сказалось на развитии и успехе рефляционной политики.

Кроме делевереджа, происходит кое-что еще. За три года, предшествовавших июню 2009 года, в США появилось 2,4 млн рабочих мест. В тот же период 3,1 млн работников обратилось за пособиями по нетрудоспособности. Доля американцев трудоспособного воз-

¹ Учитывая паритет покупательной способности, примем тот факт, что неторгуемые товары и услуги гораздо дешевле в Китае, чем в США. – *Здесь и далее, если не указано иное, – прим. автора.*

раста, получающих страховые выплаты по инвалидности, выросла менее чем с 3 % в 1990 году до 6 %^[4]. Безработица становится скрытой и одновременно постоянной: европейцам хорошо известно, как это бывает. Трудоспособных признают нетрудоспособными, и те более не работают. Кроме того, эти люди в прямом смысле сидят на месте: прежде около 3 % населения США ежегодно переезжало в другой штат – как правило, в поисках работы. С 2007 года, когда начался финансовый кризис, этот показатель снизился вдвое. Уменьшилась и социальная мобильность. Наконец, в отличие от Великой депрессии, нынешняя Малая депрессия мало способствует уходу от вопиюще несправедливого распределения доходов в последние 30 лет. Доля национального дохода, приходящаяся на 1 % наиболее богатых домохозяйств, выросла с 9 (в 1970 году) до 24 % (в 2007-м), а в следующие три кризисных года сократилась менее чем на 4 процентных пункта.

Не стоит винить во всем делевередж. В США идут споры о глобализации, научно-техническом прогрессе, будущем образования и бюджетно-налоговой политике. Консерваторы винят глобализацию и прогресс в неотвратимых переменных: автоматизация труда и офшоризация экономики устраняют потребность в низкоквалифицированных работниках. Либералы предпочитают видеть в растущем неравенстве результат недоинвестирования в государственное образование вкупе с предпринятым республиканцами снижением налогов, от которого выиграли богачи^[5]. Однако есть основания думать, что дело в другом: в факторах, недооцененных в ходе провинциальной перебранки, которая заменила в Америке политическую дискуссию.

Кризис государственных финансов характерен не только для США. Япония, Греция, Италия, Ирландия, Португалия также в числе стран с долгом более 100 % ВВП. Скорректированный с учетом экономического цикла дефицит госдолга Индии еще больше, чем был в США в 2010 году. Япония, стараясь сохранить устойчивое соотношение госдолга и ВВП, испытывает еще более серьезные затруднения^[6]. Сходные проблемы (замедленный рост плюс растущее неравенство) у США. В англоязычных странах доля в национальном доходе 1 % наиболее богатых домохозяйств росла примерно с 1980 года, и то же самое происходило, пусть в меньшей степени, в некоторых европейских странах, особенно в Финляндии, Норвегии и Португалии, а также во многих развивающихся странах, например в Китае^[7]. Уже в 2010 году в КНР насчитывалось не менее 800 тыс. долларовых миллионеров и 65 миллиардеров. Из богачей, принадлежащих к глобальному “1 %”, в 2010 году 1,6 млн было китайцами (это почти 4 % мировой “популяции богачей”)^[8]. При этом в других странах, в том числе в Германии – самом экономически развитом государстве Европы, – неравенство не усилилось. А в некоторых менее развитых странах, особенно в Аргентине, при усилении неравенства не увеличилась доля в мировой экономике.

Глобализация (как ясно из этого слова) в той или иной степени затрагивает все страны. То же самое можно сказать об информационной революции. При этом показатели экономического роста и распределения доходов сильно разнятся, и узкоэкономический подход не в состоянии объяснить эти различия. Рассмотрим пример чрезмерного увеличения доли заемных средств (левередж). У всякой страны с высоким уровнем задолженности небогатый выбор. Вариантов, по сути, три:

- 1) Сохранять темп роста выше процентной ставки благодаря техническому прогрессу и, возможно, разумным мерам денежно-кредитного стимулирования;
- 2) Объявить дефолт в отношении большей доли государственного долга и начать процедуру банкротства с целью избежать выплаты негосударственного долга;

3) “Обесценить” свой долг посредством девальвации национальной валюты и инфляции.

Какой вариант (или какие варианты) выберет определенное государство, не в состоянии предсказать ни одна из господствующих ныне экономических теорий. Почему в Германии после 1918 года началась гиперинфляция, а в Америке после 1929 года наблюдался вал банкротств и массовый отказ платить по долгам? Почему не наоборот? Сейчас кажется все менее вероятным, что какая-либо из крупнейших развитых стран сможет “разогнать” инфляцию, чтобы обесценить свои обязательства, как неоднократно бывало в 20-х и 50-х годах^[9]. Но почему бы и нет? Известное изречение Милтона Фридмана (инфляция – это “всегда и везде монетарное явление”) оставляет без ответа вопросы, кто и почему порождает избыток денег. В действительности инфляция – явление главным образом политическое. Ее вероятность зависит от таких факторов, как содержание элитарного образования, конкуренция (или ее отсутствие) в экономике, характер правовой системы, уровень насилия в обществе и, наконец, сам по себе процесс выработки политических решений. Лишь исторически можно объяснить, почему долг столь многих государств в последние 30 лет приобрел такую форму, что его, по сути, невозможно уменьшить при помощи инфляции, а также почему это ведет к тому, что следующему поколению придется платить по векселям отцов и дедов.

Столь же легко объяснить, почему в возникновении финансового кризиса виноваты чрезмерно крупные финансовые организации с высокой долей заемных средств. Однако гораздо труднее понять, почему сейчас, спустя четыре года дискуссий, еще не решена проблема банков “слишком больших, чтобы лопнуть”. Несмотря на недавнее появление буквально тысячестраничного закона [Додда – Фрэнка], положение заметно ухудшилось^[10]. В наши дни в США всего десять многопрофильных финансовых организаций распоряжаются 3/4 финансовых активов, находящихся в доверительном управлении. И все же крупнейшим банкам страны недостает по меньшей мере 50 млрд долларов, чтобы соответствовать требованиям достаточности капитала по стандарту “Базель III”. Повторю: лишь политический и исторический подходы способны объяснить, почему западные политики сейчас почти одновременно призвали банки расширять кредит и сокращать балансы.

Почему сейчас в сто раз дороже, чем 60 лет назад, выпустить на рынок новое лекарство (этот феномен Хуан Энрикес назвал “законом Мура² наоборот”)? Почему Управление США по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов запретило бы продажу столовой соли, если бы ту выставили на продажу как новый фармакологический препарат (ведь соль в больших дозах вредна)?^[11] И почему некоему американскому журналисту пришлось потратить целых 65 дней на получение разрешения (причем около пяти недель он ждал сертификата об умении обращаться с пищевыми продуктами), чтобы поставить в Нью-Йорке киоск с лимонадом?^[12] Именно в бюрократической волоките эксперты по экономическому развитию часто видят причину нищеты в Африке и Латинской Америке. Чересчур жесткие стандарты Управления по санитарному надзору обусловлены нежеланием допустить продажу препаратов наподобие талидомида. Однако в итоге почти наверняка больше людей умрет раньше срока, чем при менее жесткой паспортизации погибло бы от побочных эффектов лекарств. Мы внимательно следим за побочными эффектами, однако не принимаем в расчет цену недопущения на рынок новых препаратов.

Почему в США социальная мобильность в последние 30 лет снизилась настолько, что шансы пробиться в верхний квартал для человека, родившегося в семье, которая принадлежит к беднейшей четверти населения, уменьшились более чем вдвое?^[13] Когда-то США считались страной неограниченных возможностей, в которой семья всего за одно поколение

² Согласно закону Мура (сформулирован в 1965 году одним из основателей “Интел” Гордоном Э. Муром), количество транзисторов в кристалле микропроцессора удваивается каждые два года.

могла выбиться “из грязи в князи”. Сейчас же, если ваши родители не принадлежат к богатейшим 20 % населения, без университетского диплома у вас есть лишь пятипроцентный шанс попасть в эту страту. Представители “когнитивной элиты” (выражение Чарльза Мюррея) обучаются в привилегированных частных университетах, женятся друг на друге и оседают в “резервациях для богатых”. Эта “когнитивная элита” все сильнее напоминает касту, обладающую достаточным богатством и влиянием, чтобы преодолеть эффекты закона чередования применительно к репродукции. Так что даже неблестящее потомство этих людей унаследует образ жизни родителей^[14].

О застое

Адам Смит в двух редко цитируемых отрывках из “Богатства народов” описывает некогда благополучную страну, которая остановилась в развитии. Смит указывает на деградацию социальной жизни. Во-первых, заработная плата большей доли населения прискорбно низка³:

В стране, обладающей значительным богатством, которое, однако, в течение продолжительного времени не возрастает, мы не должны ожидать встретить очень высокую заработную плату... Положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже все возможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее его состояние полно печали^[15].

Второй признак “неподвижного”, или “стационарного”, состояния по Смицу – пышная коррупция и монопольное право элиты по собственному усмотрению распоряжаться правовой и административной системами:

В этой стране, где богатые люди и обладатели крупных капиталов пользуются почти полной неприкосновенностью, а бедняки или обладатели мелких капиталов совсем ею не пользуются, но в любое время подвергаются, под предлогом отправления правосудия, грабежам со стороны низших мандаринов, в такой стране количество капитала, вложенного во все различные отрасли ее торговли и промышленности, никогда не может достичь тех размеров, которые допускаются характером и объемом последних. В каждой отдельной отрасли притеснение бедных должно создать монополию богатых, которые, захватывая в свои руки всю торговлю, могут получать очень большую прибыль^[16].

Думаю, читателю эта картина покажется знакомой.

Конечно, к моменту выхода “Богатства народов” (1776) Китай (прежде одна “из самых богатых, то есть наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных” стран) уже давно пребывал в состоянии застоя. Смит винит в этом негодные “законы и учреждения”, в том числе бюрократический аппарат. Больше свободы для торговли и малого бизнеса, меньше бюрократии и кланового капитализма – вот предложенный Смитом рецепт от спячки. В конце XVIII века он видел плоды реформ, ожививших экономику Британских островов и американских колоний Великобритании. Но сейчас Смит отметил бы поразительные перемены: Запад в состоянии застоя, зато Китай развивается быстрее любой из развитых стран мира. Фортуна отвернулась от нас.

Эта книга – о причинах застоя Запада. Я исхожу, как и Смит, из того, что и стагнация, и развитие – во многом продукт “законов и учреждений”, а главный мой тезис таков: описание Китая времен Смита во многом применимо к нам. Проблема в наших собственных “законах и учреждениях”. Великая рецессия – лишь симптом Великого вырождения.

³ Здесь и далее цит. по: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Соцэргиз, 1962. – Прим. перев.

Четыре ящика

Я намерен показать, что западные институты выродились, и с этой целью открою несколько уже давно замкнутых ящиков с ярлыками “Демократия”, “Капитализм”, “Верховенство права” и “Гражданское общество”. Это основные элементы нашей цивилизации. В ящиках чрезвычайно сложные комплексы взаимосвязанных институтов. Подобно печатным платам компьютера или смартфона, институты заставляют агрегат работать. А если он работать отказывается, то, вероятно, один из элементов-институтов вышел из строя. Глядя на блестящий корпус, невозможно понять, в чем проблема. Придется снять крышку.

Я допускаю, что сравнение с электроникой неверно: ведь большинство институтов – плоды органического, постепенного развития и их не “изобрел” какой-нибудь прозорливец вроде Стива Джобса. Возможно, более уместное сравнение отыщется в природе. Пчелиный улей – вот хрестоматийный пример. Со времени публикации книги Бернарда Мандевиля “Басня о пчелах, или Частные пороки – общественные выгоды” (1714) люди сравнивали участников рыночной экономики с пчелами в улье. Как мы увидим, параллель эта довольно верна, хотя применима она скорее к политической, а не экономической жизни (Мандевиль это хорошо понимал). Институт для людей – примерно то же, что ульи для пчел: корпус, внутри которого мы образуем группы. И так же, как вы чувствуете присутствие институтов, так и пчела прекрасно понимает, когда она находится в улье, а когда нет. У институтов есть рамки, нередко – стены. А также – в первую очередь – правила.

Некоторым читателям слова “заведение”, “учреждение” (*institution*) напомним, вероятно, о викторианских домах умалишенных. (“Бедолага Ниал угодил в *заведение*”.) Так вот, я говорю не о них, а о политических институтах наподобие Конгресса США или английского Парламента. Рассуждая о *демократии*, мы подразумеваем ряд взаимосвязанных институтов. Да, люди бросают бумажки в урны для голосования. Да, они избирают депутатов – ораторствующих и голосующих в больших красивых залах. Однако все это еще не означает демократию. Депутатов в странах вроде России или Венесуэлы также будто бы избирают, однако никому из беспристрастных наблюдателей (не говоря уже о лидерах местной оппозиции) не приходит в голову называть Россию или Венесуэлу демократическими странами.

Институты не менее важны для выборов (обычно это партии, выдвигающие кандидатов), чем бросание бюллетеней в ящики. Чиновники – государственные служащие, судьи или омбудсмены, – в чью компетенцию входит надзор за выборами, ничуть не менее важны, чем политические партии. Огромное значение имеет и то, каков парламент. Представительные органы бывают очень разными: и совершенно независимыми (таким был английский Парламент до тех пор, пока на его прерогативу не начал покушаться Евросоюз), и безмозглым “принтером” наподобие Верховного совета СССР. А депутаты могут твердо отстаивать интересы избирателей (в том числе тех, кто против них голосовал) – или сидеть на крючке у корпораций, оплативших их кампании.

В августе 2011 года, когда рушился режим Каддафи, корреспондент Би-би-си увидел на стене в Бенгази примечательный лозунг. Слева красовалось недвусмысленно революционное воззвание: “Тиран должен пасть, он – чудовище”. Четко и ясно. А справа было выведено отнюдь не простое: “Мы требуем конституционного строя, и чтобы у президента было меньше полномочий, и чтобы четырехлетний президентский срок нельзя было продлевать”¹⁷¹. Таким образом, дьявол политических реформ кроется в статьях и параграфах конституции, не говоря уже о принципах работы учредительного собрания, разрабатывающего основной закон.

Как законодательная власть соотносится с исполнительной и судебной ветвями? В большинстве конституций этому вопросу уделено много внимания. А как, например, органы

гражданской власти соотносятся с армией? (Это вопрос первостепенной важности для египтян.) В современных национальных государствах имеется целый ряд институтов (немыслимых еще век назад), которые регулируют экономическую и общественную жизнь, а также перераспределяют доходы. Модель государства всеобщего благосостояния не имеет отношения к демократии, какой ее видели в древних Афинах. С точки зрения пчел, такая система лишь плодит трутней. К тому же громадное количество пчел в этих условиях будут заняты только перераспределением ресурсов (в пользу трутней). Наконец, такая система стремится прокормить себя, предъявляя все новые требования (в форме государственного долга), которые придется удовлетворять в будущем. В главе 1 я рассматриваю этот и другие распределительные аспекты демократии. В частности, я попытаюсь ответить на вопрос, не являемся ли мы свидетелями разрыва контракта, названного Эдмундом Берком партнерством поколений.

В наши дни почти все считают себя демократами (я слышал даже, что Коммунистическая партия Китая также “демократическая”). Слово “капиталист”, напротив, теперь нередко звучит как ругательство. Насколько демократические государственные институты связаны с институтами рыночной экономики? Насколько активно корпорации влияют на политику посредством лоббирования и пожертвований в избирательные фонды? Насколько деятельно государство вмешивается в экономическую жизнь посредством регулирования или с помощью субсидий, таможенных пошлин и других деформирующих рынок инструментов? Каково правильное соотношение между свободой экономической деятельности и законодательным регулированием? Этим вопросам я посвятил главу 2. Отдельно я разбираю, как излишне сложное законодательное регулирование вместо того, чтобы быть лекарством, само стало недугом и как оно вредит политическим и экономическим процессам.

Главный институциональный сигнал для субъектов экономической деятельности и участников политического процесса – это верховенство права. Демократия и капитализм немыслимы без действенного правосудия, подразумевающего, что разработанные законодателем нормы могут применяться, права граждан – защищаться, а споры между физическими и юридическими лицами разрешаться мирным и разумным путем. Но какая из правовых систем лучше – общее право или что-то совсем иное? Ведь ясно, что шариат сильно отличается от верховенства права в понимании Джона Локка.

В определенной степени уяснению различий между разными системами служит знание того, как вырабатываются нормы. В некоторых правовых системах, например в мусульманской, нормы раз и навсегда в деталях разработаны боговдохновенным пророком. По мнению консервативных исламских правоведов, эти установления менять нельзя. А, например, в английском общем праве предписания появляются естественным путем: суд оценивает имеющиеся прецеденты и нужды общества. В главе 3 я рассмотрю вопрос, может ли одна правовая система (например общее право) быть лучше всех и по-прежнему ли англоязычные страны имеют преимущество в этой сфере. Кроме того, я намерен указать опасности, грозящие деградацией верховенства права (по крайней мере в странах “англосферы”) до состояния “верховенства законников”. Действительно ли американцам правовая система служит теперь лучше, чем служила англичанам английская во времена, когда Диккенс сочинял “Холодный дом”?

Наконец, четвертый элемент: гражданское общество. Правильно понятое гражданское общество есть сфера добровольных ассоциаций, то есть институтов, образованных гражданами для совместного достижения иных, кроме извлечения личной выгоды, целей. Таких институтов очень много, начиная со школ (хотя сейчас большинство образовательных учреждений действуют в сфере политики) и заканчивая всевозможными клубами по интересам (от воздухоплавания до изучения зоологии). В главе 4 мы снова напомним о важности правил, хотя иногда они кажутся нам пустыми (вроде требования к членам большинства лон-

донских клубов носить галстук и не снимать за обедом пиджак, даже если день нестерпимо жаркий).

Когда-то англичанин или американец принадлежал к поразительно большому числу клубов и добровольных ассоциаций. Эта черта англоязычных стран в XIX веке очень впечатлила французского политического философа Алексиса де Токвиля. Однако сейчас положение изменилось, и в главе 4 мы рассмотрим вопрос, до какой степени поистине свободное общество может процветать без гражданской активности. Способно ли общение в интернете хотя бы отчасти заменить традиционные ассоциации? Я думаю, что нет.

Об упадке институтов

Если в сфере политики мы, подобно пчелам, играем отведенную нам роль в улье, то в экономической сфере мы пользуемся большей свободой действий. Здесь наши институты напоминают скорее Серенгети, бесконечные долины севера Танзании и юга Кении. Одни из нас подобны антилопам гну, щиплющим травку в стаде. Другие – и их гораздо меньше – сродни хищникам. Присутствуют, кроме того, падальщики и паразиты. В экосистеме постоянно действуют дарвинистские силы, отделяющие приспособленных от неприспособленных. В рамках гражданского общества мы, подобно шимпанзе и павианам, объединяемся в группы. И, как и в любимых клубах, в стаде павианов есть иерархия и правила.

Конечно, африканские дикие животные подчиняются лишь одному закону – пресловутому “закону джунглей”. Люди иные. Хотя мы проводим жизнь отчасти в борьбе за существование, мы полагаемся на правила, которые сдерживают тех, кто нами правит, и хищников, а также паразитов, которые донимают травоядных. В мире животных верховенству права, если оно верно понято, нет точной аналогии. Разве что эта: построенная человеком инфраструктура изменяет ландшафт, укрывая и стесняя нас. Право устанавливает границы возможного примерно так же, как строители возводят стены и изгороди. (Конечно, я преувеличиваю.) Одни правовые системы напоминают тщательно спланированные города, например Москву с ее чересчур широкими проспектами и одинаковыми многоэтажками, а другие похожи на Лондон: беспорядочный клубок улиц и уникальных зданий – продукт многовековых стараний государства и частных владельцев.

В жизни всему этому есть место, и это делает изучение людей таким интересным (поэтому я стал историком, а не зоологом). Мы взаимодействуем одновременно с ошеломляющим числом институтов: мы одновременно граждане и налогоплательщики; акционеры, управляющие и наемные работники; истцы и ответчики, судьи и присяжные заседатели; члены клубов, чиновники и попечители. *Homo economicus* – лишь одна из наших ролей.

Суть в том, что не все институциональные системы равны. Встречаются удачные и неудачные комбинации институтов. В рамках некоторых систем люди действуют свободно и как личности, и как члены семьи и сообщества. Институты фактически побуждают нас делать добро, например, находить новые, более действенные способы кооперации с соседями вместо того, чтобы всех их перебить. Некоторые структуры оказывают противоположный эффект: поощряют неблагоприятное поведение, например, убийство тех, кто нам досаждают, или захват их собственности, или безделье. В обществе с негодными институтами люди оказываются в порочном кругу невежества, болезней, нищеты, нередко насилия. К сожалению, история знает гораздо больше дисфункциональных моделей. Трудно построить действительно хорошую систему. Напротив, в ситуации с негодными институтами можно завязнуть надолго. Именно поэтому большинство стран почти всегда были нищими, непросвещенными и небезопасными.

Меня восхищают работы современных обществоведов, которые различают “открытые” и “закрытые” институциональные комплексы^[18]. Однако, будучи историком, я считаю это различие упрощенным. Одна из загадок истории Нового времени заключается в том, что успешные общества (например Англия в XVIII веке) нередко располагали институтами, которые, скорее всего, привели бы в ужас наших современников. Уже викторианцев шокировала английская коррупция времен Ганноверской династии. И еще в 50-х годах XIX века осуществление верховенства права в Англии вызывало у Чарльза Диккенса насмешку, а не восхищение. Более того, исторический подход открывает нечто, что многие из нас упускают из виду. Хорошо, когда общества с негодными институтами обзаваются институтами получше. Этот процесс заметен во всем мире: в большинстве стран Азии, кое-где в Южной Америке,

даже в Африке. Однако происходит и кое-что не столь заметное: хорошие институты портятся. Но почему? Кто враг верховенства права? Кто несет ответственность за порчу наших институтов по обе стороны Атлантики?

Отвечая на эти вопросы, я опирался на массу научной литературы. Сильнее всего на образ моих мыслей повлияли следующие ученые: Дуглас С. Норт, удостоившийся Нобелевской премии по экономике за изучение институтов; Пол Кольтер – непревзойденный знаток современной африканской экономики и автор книг “Нищий миллиард” (*The Bottom Billion*) и “Ограбленная планета”; Эрнандо де Сото – перуанский экономист и автор книги “Загадка капитала”; Андрей Шлейфер и его многочисленные соавторы, первыми применившие экономический подход к сравнительному изучению правовых систем; наконец, Джим Робинсон и Дарон Аджемоглу, авторы книги “Почему одни страны богатые, а другие бедные”. Я глубоко обязан и другим ученым, которых я упомянул в примечаниях.

Они, однако, охотно согласились бы, что гораздо больше внимания уделяется рассмотрению вопроса, почему бедные страны остаются бедными, а не почему богатые страны нищают, что случается реже. В данном случае меня заботит не экономическое развитие, а институциональная дегенерация. И вот главный вопрос: что на Западе пошло не так? Пока мы не осознаем природу нашего вырождения, мы будем впустую тратить время, пытаюсь избавиться от симптомов с помощью знахарских снадобий. Меня тревожит и то, что застой в экономике может привести к малопредсказуемым политическим последствиям.

Глава 1 Людской улей

О “великой дивергенции”

Природа... обладает великим могуществом и силой, – рассуждал английский гуманист Ричард Тавернер в книге “Сад мудрости”, – однако очевидно, что много могущественнее ее такое заведение или установление, которое в состоянии наставить, исправить и укрепить извращенную, дурную природу и обратить ее в добронравие”^[19]. Тавернер выразил то, что сейчас быстро становится консенсусом: институты (в широком смысле этого слова) определили настоящее – наше и чужое – в большей степени, нежели силы природы (например климат), географические условия и даже болезни.

Почему примерно после 1500 года западная цивилизация (горстка склочных стран на западной оконечности Евразии плюс их переселенческие колонии в Новом Свете) добилаь гораздо большего, чем остальные? С XVI века до конца 70-х годов XX века наблюдалось впечатляющее расхождение стандартов жизни: обитатели Запада стали гораздо богаче жителей всех остальных регионов. Возможно, 300 лет назад средний китаец зарабатывал больше среднего североамериканца, однако к 1978 году средний американец стал по меньшей мере в 22 раза богаче среднего китайца (*рис. 1.1*)^[20]. “Великая дивергенция” наблюдалась не только в экономике. Она проявилась и в продолжительности жизни, и в состоянии гигиены и санитарии. В 1960 году средняя продолжительность жизни в Китае не превышала 50 лет, а в США она достигла к тому времени уже 70 лет^[21]. Запад доминировал в науке и поп-культуре. Он продолжал управлять миром и после краха примерно дюжины “формальных” империй, которые в лучшие свои дни занимали около 3/5 суши, распоряжались примерно такой же долей населения планеты и обеспечивали по меньшей мере 3/4 объема мирового производства. Во времена холодной войны советскую империю относили к Востоку. На самом деле СССР был последней из европейских империй, господствовавших над основными азиатскими путями.

Соотношение ВВП на душу населения США и Китая, Великобритании и Индии (1500–2008 гг.)

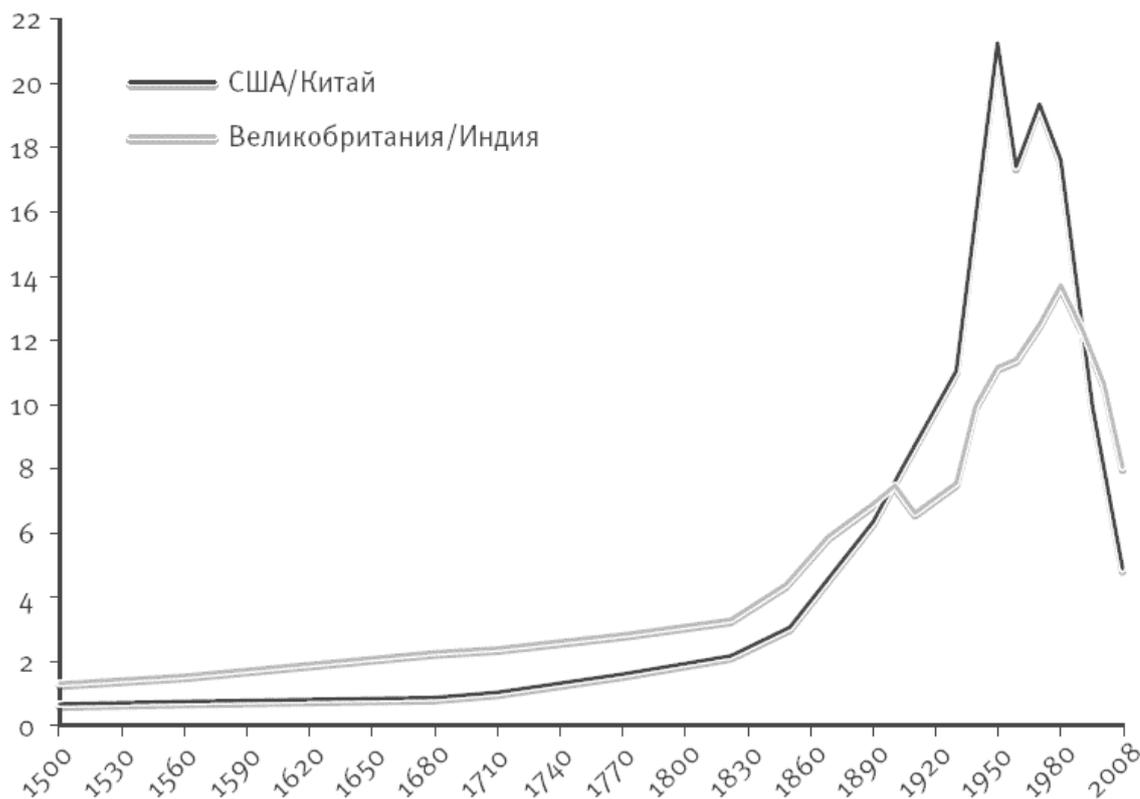

Рис. 1.1

Источник: Maddison, A. *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD*. См.: http://www.ggdc.net/MADDISON/Historical_Statistics/vertical-file_02–2010.xls

Чем объяснить вопиющий дисбаланс, при котором меньшая доля (1/5) человечества приобрела превосходство в материальном и политическом отношении? Дело, конечно, не в некоем “врожденном превосходстве” европейцев, как указывали расовые теоретики XIX–XX веков. Наш генофонд едва ли сильно изменился с 500 года, когда западная оконечность Евразии вступила в тысячелетний период относительного застоя. Климат, ландшафт и природные ресурсы Европы в 1500 году оставались примерно такими же, как и в 500 году. В средние века не было и намека на то, что европейская цивилизация превзойдет великие империи Востока. При всем уважении к Джареду Даймонду, замечу: хотя географические факторы и их влияние на сельское хозяйство объясняют, чем Евразия лучше других континентов, они не объясняют, почему на западной оконечности Евразии после 1500 года жилось лучше, чем на восточной^[22].

Не лучше объясняет “великую дивергенцию” и империализм. Другие цивилизации занимались завоеваниями и заокеанскими путешествиями задолго до европейцев. По мнению историка Кеннета Померанца (автор термина “великая дивергенция”), европейцам просто повезло. Они нашли “заброшенные земли” на карибских островах и скоро с избытком обеспечили свои метрополии сахаром – удобным источником калорий, недоступным в то время большинству азиатов. Кроме того, в Европе сравнительно доступнее, чем в Азии, залежи каменного угля^[23]. Допустим. Но почему тогда китайцы не так упорно, как европейцы, искали за морем “заброшенные земли”? И почему им не удалось – в отличие от англичан – разрешить технические затруднения при угледобыче?

Думаю, лучше всего причины “великой дивергенции” объясняют институты. Дуглас С. Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст выделили две ступени (схемы) социальной организации^[24]. Для “естественного” государства (с “ограниченным порядком доступа” к политическим и экономическим ресурсам) характерны:

- 1) Замедленное экономическое развитие;
- 2) Относительно небольшое число организаций;
- 3) Немногочисленное правительство, действующее без согласия управляемых;
- 4) Общественные отношения, построенные на личностных и династических началах.

Вторая модель отличается “открытым порядком доступа”:

- 1) Ускоренное экономическое развитие;
- 2) Активное гражданское общество с большим количеством ассоциаций;
- 3) Распределенная, сравнительно менее централизованная система управления;
- 4) Влияние на социальные отношения имперсональных факторов (обуславливающее, например, верховенство права, защиту имущественных прав, равноправие и, по крайней мере теоретически, справедливость).

Западноевропейские государства, в первую очередь Англия, первыми перешли от модели “ограниченного порядка доступа” к модели “открытого порядка”. Для этого пришлось внедрить “институциональные механизмы, дающие элитам возможность перейти к имперсональным отношениям”, “создавать и поддерживать стимулы для открытия элиты”. Так элиты “превращают свои персональные привилегии в имперсональные права. Все элиты приобретают право образовывать организации... Здесь логика меняется. Присущую «естественному» государству логику образования ренты при помощи привилегий сменяет свойственная «открытому порядку доступа» логика размывания ренты при помощи установления пороговых условий”.

За время с нормандского завоевания (1066) до “Славной революции” (1688) Англия превратилась из “хрупкого естественного государства” в “базисное”, а после и в “зрелое” – с “обширным комплексом институтов, управляющих, регулирующих и защищающих права на землю... способных поддерживать имперсональный обмен между элитами”. Верховенство права для элит стало одним из трех “пороговых условий”, необходимых для перехода к модели с “открытым порядком доступа”. (Остальные два – возникновение “постоянно действующих организаций в публичной и частной сферах” и “консолидированный контроль над вооруженными силами”.) По мнению Норта, Уоллиса и Вайнгаста, решительным переходом к модели “открытого порядка доступа” стали революции в Америке и Франции, сопровождавшиеся расширением учредительской деятельности в различных формах, и легитимация свободной конкуренции в экономической и политической сферах. Норт, Уоллис и Вайнгаст постоянно подчеркивают особое значение институтов, начиная с изменений в английском земельном праве после XI века и заканчивая изменениями в правовом положении юридических лиц в XIX веке.

Фрэнсис Фукуяма указывает “три источника политического порядка Нового времени”: “Сильное, эффективное государство, его подчинение праву, подотчетность правительства гражданам”^[25]. Эти элементы впервые сошлись в Западной Европе, причем Англия и здесь стала первопроходцем (Фукуяма также признает успехи Голландии, Дании и Швеции). Так почему Европа, а не Азия? А потому, считает Фукуяма, что линия развития христианского Запада не способствовала укреплению родовой организации.

Дарон Аджемоглу и Джим Робинсон в книге “Почему одни страны богатые, а другие бедные” проводят любопытное сравнение между современным Египтом и Англией конца XVII века:

Причина, по которой Англия богаче Египта, заключается в том, что в 1688 году... в Англии... произошла революция, изменившая политический, а следом и экономический строй нации. Люди боролись за расширение политических прав... и с помощью этих прав расширили свои возможности в экономической сфере. Это радикально изменило политическую и экономическую траекторию, высшей точкой которой стала Промышленная революция^[26].

По мнению Аджемоглу и Робинсона, Англия первой приобрела “инклюзивные” (“плюралистические”) политические институты взамен “экстрактивных”. Заметим, что остальным западноевропейским странам (например Испании) это не удалось, и последствия колонизации Северной и Южной Америки оказались в корне различными: англичане экспортировали в свои колонии “инклюзивные” институты, а испанцы ограничились надстраиванием “экстрактивных” институтов, имевшихся у ацтеков и инков, такими же собственными.

В империалистическом контексте ясна и разница институционального и культурологического подходов (последний сформулировал Макс Вебер, а позднее вернул в оборот Дэвид Лэндис): будто есть связь между протестантизмом и “духом капитализма”. Услышав слово “культура”, я, в отличие от нациста из пьесы “Шлагетер” Ганса Йоста, не хватаюсь за пистолет. Я ограничиваюсь вежливым вопросом о самочувствии собеседника. Очень соблазнительно приписать влияние на историю “иудео-христианской культуре”, сплаву идей и норм (древнегреческая философия, иудейские заповеди, римское право, христианская мораль, учение Лютера и Кальвина). Но в этом случае мы рискуем слыть тенденциозными. Охота на ведьм и коммунизм – порождения иудео-христианской культуры в той же мере, что и “дух капитализма”, но об этом мало кто вспоминает. Как бы то ни было, культура устанавливает нормы, а институты порождают инициативу. Британцы вели себя очень по-разному в зависимости от того, эмигрировали они в Новую Англию либо отправлялись в Бенгалию работать на Ост-Индскую компанию. В первом случае наблюдалось становление инклюзивных институтов, а во втором – экстрактивных.

Славные институты

Спор о “великой дивергенции” важен не только для историков. Понимание причин успеха Запада помогает поставить насущные вопросы о нашем недавнем прошлом, о настоящем и вероятном будущем. Институциональный подход привлекателен в частности тем, что убедительно объясняет неспособность большинства незападных стран добиться (вплоть до конца XX века) устойчивого экономического развития. Аджемоглу и Робинсон иллюстрируют тезис о влиянии институтов применительно к географии и культуре на примере города Ногалеса, разделенного надвое американо-мексиканской границей. Разница в жизненном уровне здесь ошеломительна^[27]. То же самое можно сказать о двух грандиозных экспериментах времен холодной войны. Корейский и немецкий народы были разделены, причем Южная Корея и Западная Германия получили преимущественно капиталистические институты, а Северная Корея и Восточная Германия – коммунистические. Всего за несколько десятилетий стало очевидным расхождение между ними. Аджемоглу и Робинсон сомневаются, что Китай встал на путь устойчивого развития. По их мнению, рыночные реформы в этой стране обусловлены, как и прежде, интересами распределяющей основные ресурсы элиты экстрактивного типа.

Специалисты по экономике развивающихся стран (в первую очередь Пол Кольтер) считают примерно так же^[28]. Пример Ботсваны показывает, что страна, лежащая к югу от Сахары, вполне может добиться экономического роста, если она, в отличие, скажем, от Демократической Республики Конго, не измотана хронической коррупцией и (или) гражданской войной. Ботсване после обретения независимости удалось (в отличие от большинства бывших африканских колоний) построить инклюзивные институты. Перуанский экономист Эрнандо де Сото давно твердит о том, насколько важны институты для развития^[29]. Обследовав трущобы Лимы, Порт-о-Пренса, Каира и Манилы, де Сото и его коллеги нашли, что хотя доходы бедняков невелики, в их руках сосредоточен поразительно большой объем собственности. Проблема в том, что эту почти целиком “экстралегальную” собственность не признает закон. И это не потому, что бедные не желают платить налоги. Де Сото выяснил, что в подпольной экономике функционирует собственная налоговая система (поборы рэкетиров и т. д.), на фоне которой законность безусловно привлекательна. Однако оформить право собственности на дом или мастерскую почти невозможно.

В виде эксперимента группа де Сото попыталась открыть маленькую швейную мастерскую на окраине Лимы. На оформление документов ушло 289 дней, а разрешения построить на государственной земле здание ученые добивались целых 6 лет 11 месяцев, причем им пришлось иметь дело с 52 инстанциями. Де Сото пришел к выводу, что неработоспособные институты оставляют бедняков вне правового поля. Однако не следует думать, что “экстралегальная” экономика неэффективна. В книге де Сото “Загадка капитала” меня поразил следующий факт: общая стоимость недвижимости, которой распоряжаются бедняки из развивающихся стран (и которая, однако, не оформлена в собственность), достигает 9,3 трлн долларов. Увы, без права собственности это “мертвый капитал” (“нетронутый запас энергии” наподобие “воды в высокогорном озере в Андах”), и им фактически нельзя воспользоваться для обогащения. Лишь при условии защиты имущественных прав дом можно без затруднений купить, продать, передать в залог, определить его рыночную стоимость.

Революции в странах вроде Туниса и Египта стали веским аргументом в пользу правоты де Сото. Он расценивает “арабскую весну” в первую очередь как бунт разочарованных людей, которые могли стать предпринимателями, против коррумпированных режимов, стремящихся нажиться за счет их попыток накопить капитал. Яркий пример – история 26-летнего тунисца Тарика Мохаммеда Буазизи, в декабре 2010 года устроившего самосожже-

ние под окнами губернаторской резиденции в городе Сиди-Бузид^[30]. Буазизи поджег себя час спустя после того, как сотрудница полиции и двое муниципальных служащих отняли у него два ящика груш, ящик бананов, три ящика яблок и старые электронные весы стоимостью 179 долларов. Эти весы составляли весь капитал Буазизи. Он не имел права собственности на дом, в котором жила его семья и который иначе можно было передать в залог. Бизнес Буазизи зависел от мзды чиновникам за право держать лоток с фруктами на двух квадратных метрах общественной земли. Произвольная экспроприация лишила туниisca средств к существованию и, в конечном счете, жизни. Однако его жертва вызвала революцию (еще неясно, насколько “славную”). Все зависит от того, позволит ли новое конституционное устройство перейти странам вроде Туниса и Египта от экстрактивного к инклюзивному государству, от самоуправства рентоориентированных элит к верховенству права.

Если подход де Сото верен, он во многом объясняет подъем Запада после 1500 года с институциональной точки зрения, особенно сквозь призму верховенства права: в центре английских баталий XVII века по поводу полномочий парламента стоял вопрос о защите подданных от экспроприации королями их собственности. Конечно, профессиональному историку эта либеральная интерпретация истории кажется подозрительной (а Герберт Баттерфилд просто высмеивал ее). И все же процитированных выше авторов нельзя упрекнуть в наивно-детерминистском взгляде на исторический процесс. Здесь нет места телеологии и предрешенности, это подлинно эволюционная интерпретация, в которой главную роль играет случайность. Англии отнюдь не было предназначено (как описано в книге “1066 и все такое”⁴ [покорение Англии нормандцами] и далее) стать “нацией господ”. Лишь цепь случайностей помешала в XVII веке восстановлению абсолютизма. Вспомним, например, о восстаниях в 1692, 1694, 1696, 1704, 1708 и 1722 годах, гражданской войне [мятеже якобитов] в 1715 году – и о [Втором] якобитском восстании в 1745 году^[31].

Действительно важен вопрос: насколько судьбоносным оказался институциональный поворот 1688 года? Большинство историков скажет, что он был не слишком радикальным. “Славная революция” (по их мнению, реакционная, “охранительная”) имела для общества (вне сферы аристократического влияния и патронажа) незначительные последствия^[32]. Я думаю, это слишком узкий подход. В “Билле о правах” (“Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны”, 1689), кроме прочего, сказано:

4) Всякое взимание денег для надобностей короны под предлогом королевской прерогативы, без разрешения парламента, так же как и взимание на более долгий срок, нежели было указано, и не тем способом, каким было указано, противно законам.

8) Выборы депутатов в парламента должны быть свободными.

9) Речи, составленные или произнесенные в парламенте, не могут быть преследуемы или разбираемы ни в каком суде или ином месте, кроме самого парламента.

13) Для искания средств к отвращению всех этих зол, для исправления и утверждения законов и для их поддержания необходимо часто созывать парламента.

При всем уважении к специалистам, замечу: несмотря на то, что религиозные предрассудки, а именно антикатолицизм, здесь возведены в конституционный принцип, документ знаменует исторический поворот.

⁴ “1066 и все такое” У.К. Селлара и Р.Дж. Йетмана – пародийная история Англии с нормандского завоевания до начала Первой мировой войны. – *Прим. ред.*

Конечно, “права и свободы подданного” согласно биллю 1689 года воспринимались как явление давно привычное. Однако последствия “Славной революции” оказались неожиданными. Она привела не только к тому, что парламент после 1689 года энергично принялся за законы, которые должны были стимулировать развитие экономики: они защищали нарождающуюся текстильную промышленность, поощряли огораживание общинных земель, расширяли сети платных дорог и каналов. Даже война стала приносить прибыль, когда виги начали борьбу за мировое господство в торговле^[33]. Последовательность событий очевидна: “Славная революция” – подъем сельского хозяйства – империалистическая экспансия – Промышленная революция.

Аргумент к институтам приобретает еще больший вес, если мы изберем сравнительный подход. В Китае в эпохи Мин и Цин так и не были осуществлены институциональные реформы. Власть императора и его чиновников не ограничивали ни полуавтономные корпорации, ни представительные собрания. В Азии, разумеется, действовали купцы, однако отсутствовали торговые компании, а тем более парламенты^[34]. Тимур Куран указывал, что институты Османской империи сильно отличались от европейских: первые сдерживали накопление капитала и экономическое развитие. Дело в том, что в мусульманском праве совершенно иначе, нежели в правовых системах Западной Европы, трактуются вопросы наследования и кредита, деятельности юридических лиц и их правосубъектности. В исламских странах имелся институт вакфа, действовали доверительные фонды без образования юридического лица, однако не было банков^[35].

Бесславная революция

Если институциональная эволюция объясняет и превосходство Запада, и неизбывную нищету в Африке и других регионах, то не следует ли взглянуть в этом свете и на удивительнейшую тенденцию нашего времени: окончание “великой дивергенции” и начало новой Великой конвергенции Запада и Востока? Я думаю, да.

Адам Смит в 70-х годах XVIII века видел причины экономической стагнации Китая в его неудовлетворительных “законах и учреждениях”. Не значит ли это, что нынешние экономические, социальные и политические трудности Запада обусловлены вырождением наших некогда лучших в мире институтов? Почти нет сомнений, что Запад испытывает невиданный в последние 500 лет упадок. В 1978 году средний американец был более чем в 20 раз богаче среднего китайца, сейчас – лишь в 5 раз. Во многих отношениях разрыв между Западом и остальным миром резко сократился. Некоторые азиатские страны уже обошли большинство западных по ожидаемой продолжительности жизни и уровню образования. По данным за 2009 год Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (*PISA*) Организации экономического сотрудничества и развития, разница в математической подготовке подростков из Шанхая и из США столь же велика, как между юными американцами и тунисками^[36].

Успех незападных стран в определенной мере объясним. Китай, с запозданием последовав примеру других восточноазиатских стран (первой была Япония), заимствовал большую долю (но не все) “фишек” западной цивилизации: экономическую конкуренцию, научную революцию, современную медицину, потребительское общество, трудовую этику^[37]. Скопированные на Западе модели индустриализации и урбанизации работают хорошо, если вашими предпринимателями движут верные мотивы, ваши работники многочисленны, более-менее здоровы и образованны, а бюрократия достаточно эффективна. Далее я буду мало говорить о том, что удалось всему остальному миру, поскольку меня сильнее интересует, что пошло не так на Западе.

Большинство комментаторов, задающихся этим вопросом, критикуют чрезмерный государственный долг, бездарное управление банками и растущее неравенство. Но, по моему, это лишь отдельные симптомы общей институциональной болезни – назовем ее “бесславной революцией”, которая губит плоды пятисотлетней институциональной эволюции Запада.

Англичане и их долги

Название этой главы – “Людской улей” – отсылает к “Басне о пчелах” Бернарда де Мандевилля. Основная мысль такова: общества, располагающие правильными институтами, процветают, даже если их члены дурно себя ведут. Англию в XVIII веке превратило в одну из богатейших стран не одно религиозное благочестие: не стоит сбрасывать со счетов и вполне земные устремления. Эти устремления экономисты называют “положительными внешними эффектами” как раз потому, что английские институты того времени способствовали накоплению капитала, инвестициям и инновациям.

После “Славной революции” (1688) монарх попал в зависимость от парламента. Виги, доминировавшие при новом режиме, не только способствовали развитию сельского хозяйства, росту торговли и империалистической экспансии. Быстро развивались и финансовые институты. Вильгельм Оранский принес в Англию, помимо протестантизма, представление о центральном банке и фондовой бирже. Многочисленные ассоциации, общества и клубы поощряли научно-технический прогресс. Роберт Аллен показал, что характерное для Британии сочетание дешевого угля и недешевой рабочей силы способствовало внедрению технологий, улучшающих производительность, особенно в текстильной промышленности^[38]. Однако необходимой основой для всего этого стали институты. Вот что пишет Мандевиль:

В просторном улье пчелы жили,
Имелось все там в изобилье;
И множились науки в нем,
И шел промышленный подъем;
Закона и оружия сила
Его величие хранила;
И каждой новою весной
Он порождал за роем рой.
Ни деспота не знал он власти,
Ни демократии напасти;
Им управлял король, чей трон
Законом был давно стеснен.
Так жили пчелы жизнью вольной,
Но были вечно недовольны⁵.

Один институт оказал особенно сильное влияние на ход английской истории. Норт и Вайнгаст в статье 1989 года указывали, что подлинное значение “Славной революции” – в доверии, которое она обеспечила английскому государству как суверенному заемщику. С 1689 года парламент контролирует и совершенствует налогообложение, следит за расходами королевского двора, защищает частную собственность и умело избегает дефолта. Этот порядок, по мнению Норта и Вайнгаста, был “самоподдерживающимся” – не в последнюю очередь потому, что собственники занимали подавляющее большинство мест в парламенте. В результате английское государство смогло занимать деньги в немыслимом доселе объеме: все прекрасно знали о королевской привычке не платить по долгам, произвольно устанавливать налоги и отбирать собственность^[39]. В конце XVII – начале XVIII века начался период быстрого накопления государственного долга без повышения стоимости заимствований – скорее наоборот, она снижалась.

⁵ Перевод А. Субботина. – *Прим. перев.*

Такое развитие событий оказалось благотворным. Во-первых, это помогло Англии стать Великобританией, а затем и Британской империей, поскольку у государства появились беспрецедентные ресурсы для ведения войн (и для побед). Во-вторых, богачи приучились инвестировать в ценные бумаги, что создало предпосылки для финансовой революции, которая трансформировала английские накопления вообще во все: от каналов до железных дорог, от торговли до колоний, от железоделательных заводов до текстильных фабрик.

Хотя за время войн с Францией английский государственный долг заметно вырос (в 1815–1825 годах он достиг наивысшего значения – более 260 % ВВП), заемный капитал принес изрядную выгоду: в соседнем столбце баланса значилась мировая империя (приобретенная преимущественно с помощью флота, финансируемого в долг). А через сто лет после Ватерлоо долг сократился благодаря устойчивому экономическому росту и профициту бюджета. Дефолта не случилось. Инфляции удалось избежать. А земной шар оказался в руках англичан.

Партнерство поколений

Теперь я хотел бы поговорить о представительном правлении. Первая посылка вряд ли вызовет возражения: лучше, если правительство в той или иной мере представляет тех, кем управляет. И не только потому, что, как заметил Амартия Сен, демократия хороша сама по себе. Представительное правление легче авторитарного откликается на перемены общественных предпочтений и, следовательно, менее склонно к ужасным ошибкам, которые столь часто совершают авторитарные правители. Те из наших современников, кто отзывается о западной демократии как об “ущербной” (а я все чаще слышу такое), склоняются к пекинской модели однопартийного государства, в котором решения принимают технократы исходя из пятилетних планов. Этой системе Китай обязан и специальными экономическими зонами (СЭЗ), и демографической политикой “Одна семья – один ребенок”. СЭЗ привели страну к успеху, а ограничение рождаемости ведет ее к катастрофе, последствия которой еще не до конца ясны.

Впрочем, критики западной демократии правы в том, что с нашими политическими институтами творится неладное. Наиболее явный симптом – огромные долги, которые мы умудрились сделать в прошедшие десятилетия и которые (в отличие от прежних) нельзя целиком объяснить военными расходами. Согласно прогнозу Международного валютного фонда, общий государственный долг Греции достигнет в 2012 году 153 % ВВП этой страны. Что касается Италии, то этот показатель составит 123 %, Ирландии – 113 %, Португалии – 112 %, США – 107 %. Долг Великобритании приближается к 88 %. Япония, первой из западных стран позаимствовавшая западные институты, выступает в этом отношении мировым лидером. Ее государственный долг достиг невообразимых 236 % ВВП (20 лет назад было втрое меньше)⁶. Еще удивительнее соотношение долга и государственных доходов, из которых в конце концов выплачиваются проценты и погашается основной долг (рис. 1.2).

Чистый государственный долг (2000–2012 гг.)

⁶ Я не рассматриваю здесь громадный долг домохозяйств, а также финансовых и нефинансовых корпораций, но если сложить частный и государственный долг, то бремя окажется беспрецедентным: в Японии – 512 % ВВП, в Великобритании – 507 %, во Франции – 346 %, в Италии – 314 %, в США – 279 %, а в Германии – 278 %.

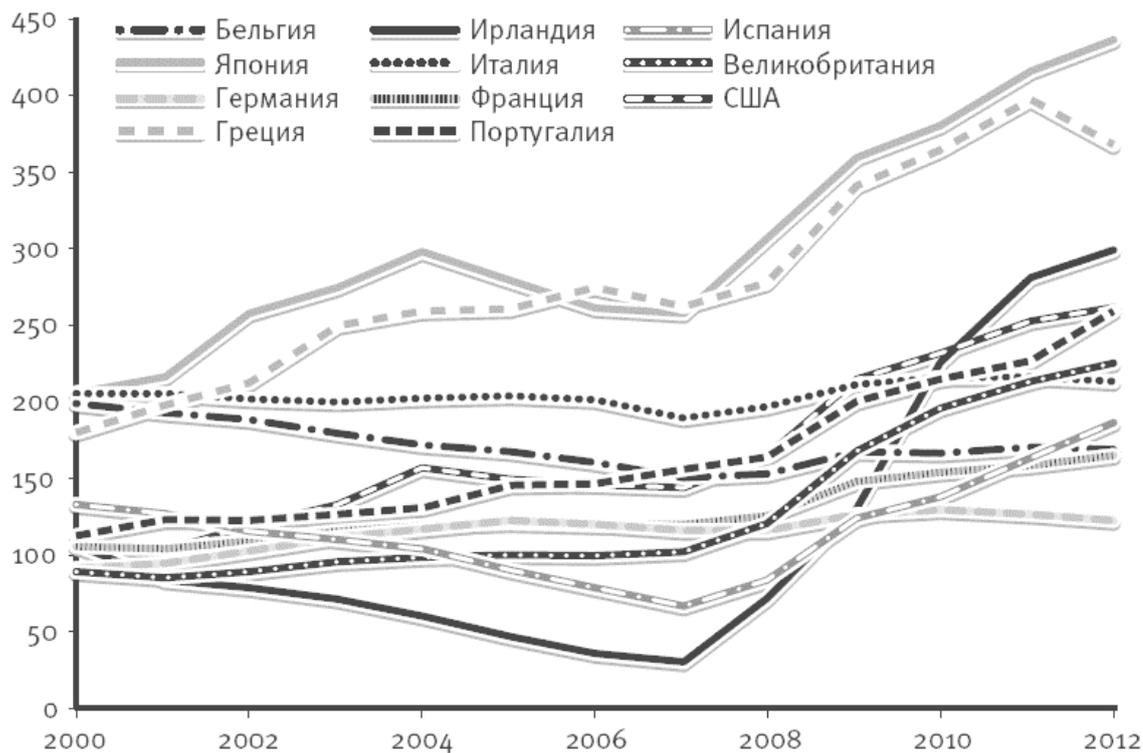

Рис. 1.2

Источник: International Monetary Fund *World Economic Outlook Database*, April 2012. См.: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/index.aspx>

Нередко, когда предметом обсуждения становится долг (будто он сам по себе представляет проблему), начинается в целом бесплодный спор между сторонниками “строгой экономии” и “экономического стимулирования”. Я же полагаю, что проблема – результат серьезного сбоя в работе институтов.

Суть в том, как государственный долг позволяет нынешнему поколению избирателей жить за счет тех, кто слишком юн, чтобы голосовать, или вообще пока не появился на свет. Следует отметить, что публикуемые показатели сами по себе неточны: они учитывают лишь долг по государственным ценным бумагам. Быстрое увеличение объема таких ценных бумаг неизбежно влечет увеличение налогового бремени работающих сейчас и будущих работников, поскольку (даже если сохраняются нынешние низкие процентные ставки для крупнейших суверенных заемщиков) сумма обслуживания долга неизбежно вырастет. Но в долг по государственным ценным бумагам не включают нередко более значительные внефондовые обязательства по программам социальной защиты наподобие (я назову крупнейшие американские проекты такого рода) “Медикэр”, “Медикэйд” и “Социальное обеспечение”.

Согласно имеющимся оценкам, разница между чистой приведенной стоимостью долговых обязательств федерального правительства и чистой приведенной стоимостью будущих доходов федерального бюджета составляет 200 трлн долларов (то есть почти в 13 раз больше долга, о котором заявляет Министерство финансов США). Заметим, что и эти показатели занижены: они не включают внефондовые обязательства правительств штатов, а также муниципалитетов (около 38 трлн долларов)^[40]. Эти умопомрачительные суммы, по сути, – исковые претензии нынешних пенсионеров (или людей, которые вот-вот выйдут на пенсию) к своим детям и внукам, которых текущее законодательство обрекает в будущем либо на заметный рост налогов, либо на заметное сокращение бюджетных расходов.

Чтобы показать масштаб проблемы, экономист Лоренс Котликофф подсчитал: для устранения бюджетного дефицита правительству США потребовалось бы немедленно

повысить на 64 % все федеральные налоги – или на 40 % урезать расходы федерального правительства^[41]. Более десяти лет назад, когда Котликофф представил свои “поколенные выкладки” касательно Великобритании, он вычислил (исходя из предположения, что государство увеличит расходы на пособия и здравоохранение), что для избавления от бюджетного дефицита потребуются 31-процентный рост налоговых поступлений и 46-процентное увеличение отчислений на социальное страхование^[42]. Эдмунд Берк в “Размышлениях о революции во Франции” (1790) указывал, что подлинный “общественный договор” – не описанный Руссо договор между правителем и народом, не “всеобщая воля”, а партнерство, сотрудничество поколений:

Один из первейших и ведущих принципов, освящающих государство и законы, состоит в том, чтобы временные владельцы его, не беспокоясь о том, что им вручили предки и что они должны передать потомкам, не вели себя так, будто полноправно им владеют, чтобы они не считали одним из своих прав ограничение передачи родового имущества по наследству или нанесение вреда передаваемому имуществу, разрушая по своей прихоти первоначальное здание общества и тем самым подвергая риску оставить потомкам руины вместо прочного жилища – а преемников своих научить уважать их нововведения не более, чем сами они почитали установления предков... Общество поистине есть договор... Это партнерство... не только между живущими, но и между теми, кто жив, кто умер и кто еще не родился⁷.

В огромных межпоколенных отчислениях, обусловленных нынешней бюджетно-налоговой политикой, мы видим возмутительный и, вероятно, беспрецедентный отказ от такого партнерства.

⁷ Перевод С. Векслер под ред. А. Бабича. – *Прим. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Fukuyama, Francis The End of History and the Last Man // National Interest, 16 (Summer 1989): 3–18.
2.
McKinsey Global Institute Urban World: Cities and the Rise of the Consuming Class. June 2012.
3.
McKinsey Global Institute Debt and Deleveraging: The Global Credit Bubble and its Economic Consequences. January 2010.
4.
Berezin, Peter The Weak U.S. Labor Market: Mainly a Cyclical Problem... for Now // Bank Credit Analyst, 64, 1 (July 2012): 40.
5.
См. например: Sachs, Jeffrey The Price of Civilization: Reawakening American Virtue and Prosperity. New York, 2011.
6.
См. например: International Monetary Fund Navigating the Fiscal Challenges Ahead // Fiscal Monitor, 14 May 2010.
7.
Atkinson, Anthony B., Piketty, Thomas, and Emmanuel Saez Top Incomes in the Long Run of History // Journal of Economic Literature, 49, 1 (2011): 3–71.
8.
Credit Suisse Global Wealth Databook. October 2010. Tables 3–1, 3–3, 3–4.
9.
См.: Baz, Jamil Current Crisis Merely a Warm up Act // Financial Times, 11 July 2012.
10.
Ferguson, Niall Too Big to Live: Why We Must Stamp Out State Monopoly Capitalism // Adam Smith Review, 6 (2011): 327–340.
11.
Enriquez, Juan Medicine's Missing Measure // Atlantic (May 2012). См.: <http://www.theatlantic.com/health/archive/2012/05/medicines-missing-measure/257901/>.
12.
Stossel, John I Tried to Open a Lemonade Stand // Townhall, 24 February 2012.
13.
Hertz, Tom Rags, Riches, and Race: Intergenerational Income Mobility of Black and White Families in the United States / In: Bowles, Samuel, Gintis, Herbert, and Melissa Osborne, eds. Unequal Chances: Family Background and Economic Success. New York, 2005. Table 10.

14.

Murray, Charles *Coming Apart: The State of White America, 1960–2010*. New York, 2012.

15.

Smith, Adam *The Wealth of Nations* (1776). Book I, ch. 8.

16.

Ibid. Ch. 9.

17.

См.: <http://blog.lgiu.org.uk/2011/09/on-libya-andinstitutions/>. Благодарю Лорда Маллох-Брауна за то, что обратил внимание на граффити в программе “Сегодня” на BBC Radio 4.

18.

См.: Acemoglu, Daron, and James A. Robinson *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, 2012.

19.

Taverner, Richard *The Garden of Wysdome Conteynyng Pleasaunt Floures, that is to say, Propre and Quycke Sayinges of Princes, Philosophers and other Sortes of Me[n]. Drawe[n] Forth of Good Aucthours*. London, 1539, p. 6.

20.

Данные из: Maddison, Angus *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1—2008 AD*. См.: http://www.ggdc.net/MADDISON/Historical_Statistics/vertical-file_02—2010.xls.

21.

Данные Всемирного банка. См.: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-developmentindicators>.

22.

Diamond, Jared *Guns, Germs and Steel: A Short History of Everybody for the Last 13,000 Years*. London, 1998. [Рус. пер.: Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ. М.: АСТ: Corpus, 2010.] Также см.: Morris, Ian *Why the West Rules – For Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. New York, 2010.

23.

Pomeranz, Kenneth *The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, 2000.

24.

North, Douglass C., Wallis, John Joseph, and Barry R. Weingast *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2009.

25.

Fukuyama, Francis *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. New York, 2011.

26.

Acemoglu, Daron, and James A. Robinson *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, 2012. P. 4.

27.

Ibid. Pp. 7–9.

28.

Collier, Paul *The Bottom Billion*. Oxford, 2007. Pp. 50, 56; Collier, Paul *The Plundered Planet: How to Reconcile Prosperity with Nature*. London, 2010. Pp. 47f., 58.

29.

Soto, Hernando de *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. New York, 2000.

30.

Soto, Hernando de *The Free Market Secret of the Arab Revolutions* // *Financial Times*, 8 November 2011.

31.

Clark, J. C.D. *British America: What If There Had Been No American Revolution?* / In: Niall Ferguson, ed. *Virtual History: Alternatives and Counterfactuals*. London, 1993. Pp. 125–175.

32.

Например см.: Jones, J.R. *The Revolution in Context* / In: J.R. Jones, ed. *Liberty Secured? Britain before and after 1688*. Stanford, 1992. P. 12.

33.

Pincus, Stephen C.A., and James A. Robinson *What Really Happened during the Glorious Revolution?* // *National Bureau of Economic Research Working Paper 17206* (July 2011).

34.

Greif, Avner *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade* / In: Ménard, C., and M. Shirley, eds. *Handbook of New Institutional Economics*. Dordrecht, 2005. Pp. 727–786.

35.

Kuran, Timur *The Long Divergence: How Islamic Law Held Back the Middle East*. Princeton, 2010.

36.

OECD *PISA 2009 Results: What Students Know and Can Do: Student Performance in Reading, Mathematics and Science*. Paris, 2010. P. 15. См.: <http://www.oecd.org/dataoecd/10/61/48852548.pdf>.

37.

Ferguson, Niall *Civilization: The West and the Rest*. London/New York, 2011. [Рус. пер.: Фергюсон Ниал. *Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира*. М.: АСТ: Corpus, 2014.]

38.

Allen, Robert C. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge, 2009.

39.

North, Douglass C., and Barry R. Weingast *Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England* // *Journal of Economic History*, 44, 4 (1989): 803–832.

40.

Kotlikoff, Laurence J., and Scott Burns *The Clash of Generations: Saving Ourselves, our Kids, and our Economy*. Cambridge, MA, 2012. P. 33.

41.

Ibid. Pp. 30f.

42.

Cardarelli, Roberto, Sefton, James, and Laurence J. Kotlikoff *Generational Accounting in the UK* // *Economic Journal*, 110, 467, Features (November 2000): F547–F574.